

Сун Цзе

ОБРАЗ ВИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЦАО ЦАО

В статье рассматривается образ вина в художественном творчестве китайского поэта и государственного деятеля Цао Цао: будучи основоположником литературного жанра "песен вину", в своих программных произведениях, несмотря на кажущуюся похвалу вину как средству избавления от забот, метонимическому символу житейских радостей, поэт, по сути, отвергает его. Альтернативой символизируемому вином эскапизму Цао Цао предлагает мужественное принятие человеком своего предназначения, готовность платить скорбями за возможность вершить историю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 177-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

В статье рассматривается образ вина в художественном творчестве китайского поэта и государственного деятеля Цао Цао: будучи основоположником литературного жанра «песен вино», в своих программных произведениях, несмотря на кажущуюся похвалу вину как средству избавления от забот, метонимическому символу житейских радостей, поэт, по сути, отвергает его. Альтернативой символизируемому вином эскапизму Цао Цао предлагает мужественное принятие человеком своего предназначения, готовность платить скорбями за возможность вершить историю.

Ключевые слова и фразы: вино; культура вина; китайская поэзия; художественное творчество Цао Цао; дихотомический ряд; тезис и антитеза.

Сун Цзе

*Хайнаньский государственный университет, КНР
bayard2010@qq.com*

ОБРАЗ ВИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЦАО ЦАО

В культуре Китая вино всегда играло и продолжает играть значительную роль. Достаточно беглого взгляда на тысячи бронзовых сосудов для вина, датированных периодами Шан и Чжоу, а также на не менее широко представленные керамические сосуды для хранения вина, обнаруженные в захоронениях периодов Борющихся Царств и Хань [3], чтобы получить впечатление о Китае как о стране, в культуре которой производство, потребление и ритуальное использование вина занимало важное место. Действительно, в жертвоприношениях и других религиозных ритуалах, более того – во всей парадигме гомосоциальных и межгендерных связей, в структурировании социального пространства, в установлении и функционировании индивидуальных поведенческих паттернов – буквально во всех сферах жизни китайца вино занимает заметное место.

Опьянение было важнейшим путем высвобождения творческой энергии для китайских творческих людей и интеллигенции, помогавшим освободиться от пут мирских забот. Даосские представления о вине, как о катализаторе творчества и свободы, наиболее ярко представлены в китайской литературе разных периодов и особенно во времена золотого века китайской культуры – при династии Тан (VII-XIX вв. н.э.). В многочисленных стихах, произведениях китайских поэтов прославляется вино как стимул высвобождения творческой энергии, символ свободы и независимости, посредник при дружеском общении, спутник одиночества, утешитель в несчастьях.

Своеобразную роль играет вино в художественных произведениях китайского государственного деятеля и поэта Цао Цао (155-220 гг.). Один из самых выдающихся поэтов периода Позднего Хань-Троецарствия, новатор, проложивший дорогу от народной песенной лирики к авторской поэзии классического образца, Цао Цао оставил 21 стихотворение в жанре *юэфу* и три оды. Китайские литературоведы считают, что Цао Цао – один из ярчайших литераторов Китая, создатель энергичного художественного стиля, первооткрыватель новой области поэзии. К примеру, Хэ Минжуй пишет, что творчество Цао Цао отличается свежестью и простотой, отражая не только его политический статус но и его самобытную личность, его стиль оказал огромное влияние на творчество новых поколений [6, с. 48]; Чэнь Линчжао называет его великим поэтом [8, с. 124]. Высоко оценивают роль Цао Цао в развитии китайской поэзии и российские исследователи. Как полагает Г. П. Аникина: «Его поэзия отличается редкой индивидуальностью; неслучайно его называют создателем “энергичного стиля”, для которого характерны смелость мысли и чувства, экспрессия, оптимизм и вера в человеческие возможности» [1, с. 88]. Е. М. Кравцова, выдающийся российский исследователь китайской поэзии и переводчик ряда стихов Цао Цао на русский язык, отмечает, что творческая самобытность поэзии Цао Цао усиливается оригинальностью его стилистической манеры... его стихотворения производят впечатление экспромтов – настолько внешне легко и непринужденно он творил, не признавая для себя никаких стандартов и ограничений [2, с. 488].

В нескольких стихотворениях Цао Цао используется образ вина и застолья. Особо обращает на себя внимание стихотворение «Утреннее солнце» [7, с. 18] и лучшее стихотворение поэта, шедевр литературы позднего периода – «Песня вино» [Там же, с. 21].

Первый вопрос, который нужно прояснить для адекватной интерпретации этого художественного произведения, – время и место его создания. Согласно роману Ло Гуаньчжун «Троецарствие», Цао Цао перед знаменитой битвой под Красной Скалой написал именно эти стихи на пиру, который он устроил для своих воинов. Почему Ло Гуаньчжун решил, что стихотворение написано именно там и тогда? Наверное, потому что в самом стихотворении действительно упоминается какой-то пир, на который собираются старые друзья. К тому же сюжетно это был хороший ход: человек, которому предстоит потерпеть кошмарное, самое страшное в его жизни поражение, беззаботно пирует, веселится и разглагольствует о том, как он покорит Поднебесную. Тем ярче контраст с тем поражением, которое ему предстоит потерпеть.

Образ Цао Цао, импровизирующего стихи перед боем, с чашей вина в руке, в окружении своих солдат, прочно вошел в китайскую историческую мифологию. На этот сюжет писались и продолжают писаться картины, создавались стихи, самое знаменитое из которых называется «Красная скала. Ода первая», оно написано великим китайским поэтом Су Ши. Поэт описал создание анализируемого нами стихотворения в прекрасных строчках:

, С вином в руке он подошел к самой реке,
поперек лодки положил свое копьё
и стал писать на нем стихи [5, с. 289].

Эта фраза Су Ши превратилась в поговорку, и сейчас , поперек копьё писать стихи – значит обладать талантами в разных сферах.

Однако, несмотря на эффектность нарисованной в романе , Троецарствиеи картины, содержание стихотворения никак не согласуется с такой версией о времени и месте его создания. Перечитывая его, нельзя не задаваться вопросом: неужели это хоть чуть-чуть похоже на оду перед боем? Неужели это ликующая песнь в предвкушении победы? В каждой второй строке повторяющемся рефреном говорится об огромной скорби, которая заполонила всю жизнь лирического героя: она идет изнутри, она преследует его бесконечно, он ничего не может с ней поделать и спрашивает себя, а есть ли вообще смысл в его жизни и борьбе. Это стихотворение – о горе, а не о предчувствии радости. Оно никак не увязывается с описанной Ло Гуанчжуном ситуацией.

На самом деле, стихотворение , Короткая песня» написано не до битвы под Красной Скалой, а непосредственно после нее, на родине Цао Цао – в городе Бочжоу провинции Анхой, куда он вернулся после поражения. Это объясняет упоминание банкета – приехав в родные места, Цао Цао действительно устроил пир для родственников и влиятельных лиц Бочжоу, поэтому в стихотворении упоминается о встрече после разлуки старых друзей, которые вспоминают прошлые дни. Сама тональность стихотворения свидетельствует в пользу этой версии. Здесь речь идет о чем угодно, но только не о предвкушении завоевания Поднебесной, как пытаются вымучить из себя китайские актеры, играющие роль Цао Цао в разных фильмах.

Досадно, что китайские издатели и литературоведы до сих пор не выбрались из поставленных Ло Гуанчжуном тенет. Они пытаются переводить это стихотворение и комментировать его, исходя из того эпизода, в который его вписал великий сочинитель. А поскольку само по себе стихотворение с трудом поддается такой расшифровке, начинаются натяжки и искажения. Комментаторы застревают на описании пира, к этому пиру они пытаются свести весь смысл стихотворения: дескать, ключевая мысль автора состоит в том, чтобы призвать под свои знамена талантливых людей со всей страны. К примеру, Лю Юэцин и Ван Ли пишут: . Хотя поэт потерпел поражение под Красной Скалой, но он не отчаивается, а по-прежнему хочет принимать на службу способных и достойных людей, укреплять свои силы, направлять устремления. Эта песня поется на пиру, она описывает, как автор надеется привлечь на службу талантливых людей, чтобы выполнить свою высокую миссию объединения Поднебесной [4, с. 5]. Заметим, что все эти рассуждения о надежде автора на привлечение талантливых людей строятся на одной единственной строчке стихотворения, дословно означающей: . По извилистым тропам, по разным дорогам или друзья, и вот собрались вместе. Все остальное – притянутые интерпретации, основанные, как мы полагаем, не на анализе самого текста стихотворения, а на биографических сведениях о государственной деятельности поэта.

У нас сложилось свое понимание этого стихотворения, в корне отличное от версии большинства китайских литературоведов. Последовательный анализ каждого из четверостиший позволяет вскрыть внутреннюю логику поэтического произведения и выявить ключевую мысль автора.

对酒当歌，人生几何？ / Пою песню вину, век человеческий – сколько он продлится?

譬如朝露，去日苦多。 / Он исчезает как роса, а в минувших днях столько горестей.

慨当以慷，忧思难忘。 / Как много скорбей, как трудно забыть заботы.

何以解忧？唯有杜康 [7, с. 23]. / Что за способ остается? Лишь один – вино Ду Кана (здесь и далее перевод автора – Ц. С.).

В качестве основного инструмента интерпретации стихотворения мы предлагаем вычленение в нем постоянно повторяющихся тезиса и антитезы. Тезис: , СКОРБЬ; антитеза , то или иное СРЕДСТВО для разрешения скорби.

Параллелизм стихотворения строится по принципу: скорбь – средство ее преодоления, снова скорбь – поиски нового средства, снова скорбь – новое средство. Сама необходимость в поиске нового средства показывает, что предыдущие средства нехороши, они не в состоянии изжить скорбь, они не разрешают проблему, и автор обращается к новому средству, пока не доходит до того единственного, которое его удовлетворяет, на чем стихотворение и заканчивается.

Итак, первое средство – это вино. Стихотворение Цао Цао , Короткая песня» считается одним из самых лучших стихов, посвященных вину. Вообще стихи этой тематики, стихи, воспевающие вино и тот культурный комплекс, который с ним связан, носят с легкой руки Цао Цао название , 对酒当歌 (, Пою песню вину). Парадокс в том, что это стихотворение – отнюдь не песня вину, и только в начале может показаться, что автор воспекает вино как средство забыть заботы. На самом же деле подобного рода эскапизм, бегство от действительности в мир иллюзорных, вызванных алкоголем впечатлений, совершенно противоречит всему психическому складу поэта, человека бурлящей, кипучей энергии и практического образа действий. Он предлагает это средство, чтобы тут же его отвергнуть. , Напиться, чтобы забыться» – это самое примитивное, животное средство избавиться от горя, и хотя автор говорит, что знает его в качестве , единственного, дальше он, не задерживаясь, уводит читателя к другим, более возвышенным способам.

В чем же вводимая автором проблема, которая требует разрешения? Краткость человеческого века, как явствует из второй строки? Нет, не это, или вернее не только это. Срок человеческой жизни не известен ему самому, век человека краток и исчезает как роса на листьях, но и те годы, которые он (читай: поэт – прим. автора – Ц. С.) прожил, окрашены в цвета печали. Мало того, что на жизнь человеку отведено так немного, так еще в его прошлых днях – сплошное горе, оглядываясь назад, он видит муку и печаль. Но будто этого

мало, заботы и скорби продолжают приходить, от них не отделаться, их невозможно откинуть, забыть и оставить в прошлом. Может, стоит просто напиться, понадеяться, что в бесчувственном состоянии наступит облегчение? Нет, конечно, это не сработает.

青青子衿，悠悠我心。 / Когда я носил халат зеленого юнца, я не знал забот.

但为君故，沉吟至今。 / И поныне я вспоминаю о благородном друге.

呦呦鹿鸣，食野之苹。 / Олень протяжно кричит, питаюсь в диких травах.

我有嘉宾，鼓瑟吹笙 [Там же]。 / У меня сегодня дорогие гости, играют гусли, звучит свирель.

В поисках тех дней, в которых была хоть какая-то радость, лирический герой обращается мыслями далеко в прошлое, и только дойдя до самой зеленой юности, он может с уверенностью сказать, что тогда у него было легко на сердце. Но взрослому человеку недостаточно кратковременных воспоминаний о далеком детстве, чтобы это могло поддержать его в нынешнем несчастье, и автор идет дальше. Новое средство, к которому он обращает свои мысли, – это дружба. От юношеской дружбы, оставившей смутные и трогательные воспоминания, он переходит к сегодняшнему дню, когда у него собралась дорогая гостица. Их присутствие дает иллюзию, что герой – не один на один со своей скорбью, что он в обществе и вокруг него вроде бы веселье: смех, звуки любимой музыки... И что, этого достаточно чтобы забыть скорбь? Застолье, общество, почти что друзей помогут? Нет! Еще как нет, потому что:

明明如月，何时可掇？ / Как сверкающая луна, что безостановочно бежит по небу?

忧从中来，不可断绝。 / Тоска приходит из самой глубины, не прекращаясь.

越陌度阡，枉用相存。 / По извилистым тропам, по разным дорогам шли друзья, и вот собрались вместе.

契阔谈宴，心念旧恩 [Там же]。 / Разговаривают на празднике, всем сердцем отдаются воспоминаниям о прежней любви.

В том несчастье, которое описывает автор, самое ужасное – то, что заботы приходят не только извне. Вместе с ними приходит тоска, черная депрессия, которая выползает изнутри, и не прекращаясь, безостановочно, истязает человека. Она приходит также систематически и неотвратимо, как движение луны по небу, что же можно ей противопоставить? В часы самой лютой скорби естественно желание вернуться к своим истокам, обратиться к семье, родине, своим. Лирический герой, думая о своей жизни, вспоминает много странных, извилистых жизненных дорог, которые ему пришлось пройти: он знал взлеты и падения, он шел правдой и кривдой, он сделал жизненный круг и вот оказался у своих истоков, у себя дома, откуда начинал свой путь. Может быть общество, своих, их беседы и воспоминания, возбуждение в душе прежней любви и братских чувств помогут прогнать тоску? Нет! Она слишком сильна чтобы от нее было можно отделаться даже таким способом.

月明星稀，乌鹊南飞， / Луна светла, но звезды потемнели и стаи сорок летят на юг,

绕树三匝，何枝可依？ / Трижды облетают дерево, но нет ветки, где можно присесть?

山不厌高，海不厌深。 / Гора не жалуется на то, что она слишком высока, море не жалуется на то, что оно слишком глубоко.

周公吐哺，天下归心 [Там же]。 / Чжоу-гун трижды плюнул, и вся Поднебесная возвратилась сердцем в успокоении.

Итак, пора подводить итоги. Кончилась ночь воспоминаний, уже брезжит заря, но по-прежнему нет ветки, где можно присесть, нет способа, не на что положиться. Друзья разошлись, птицы улетели, звезды погасли. Лирический герой так и остался один на один со своей скорбью. И вот тогда...

Тогда к нему приходит осознание своего высокого долга, и вместе с ним – мужество! Никакими внешними способами он не смог себе помочь: ни вино, ни веселье, ни музыка, ни дружба, ничего из того, чем он пытался обмануть свое сердце, не сработало. Но герой, наконец, вспоминает, или вернее к нему вновь возвращается ощущение, что он живет не для себя самого, что у него есть миссия, которую только он один может выполнить. И неважно, что он чувствует как человек. Как бы ни было плохо человеку по имени Мэнде, правитель Цао Цао должен объединить страну, положить конец хаосу, установить прочную власть и с ней – мир в окружающем мире. Подобно тому, как высокая гора не пытается превратиться в холмик, не ропщет на свое возвышенное положение, подобно тому, как море не надеется стать лужей, не жалуется что оно слишком глубокое, так и правитель должен забывать о своих личных чувствах и проблемах, полностью отдаваясь своему долгу.

И у него есть перед глазами пример – легендарный правитель прошлого Чжоу-гун. Относящиеся к нему слова, трижды плюнул в контексте исторической хроники означают, что Чжоу-гун вел жизнь полную самоотречения, он мало ел, мало спал, отказывал себе в жизненных удовольствиях и телесном комфорте, полностью сосредоточившись на управлении страной – и именно потому Поднебесная, *возвратилась сердцем*, то есть охотно, добровольно признала над собой власть Чжоу-гуна, оценила благодетельность этой власти. Стихотворение начал просто поэт, частное лицо – его заканчивает правитель страны. Так же как Чжоу-гун, он готов всю свою жизнь посвятить своему народу, и надеется, что таким образом он обратит к себе сердца. Перед этой великой целью, перед направленной на благо страны волей разбегаются, как ночные тени, личные скорби и заботы. Как бы ни были они сильны, автор нашел против них свое единственное средство, и оно вернуло ему отвагу и надежду.

Как мы доказали в данной работе, Песня вину, на самом деле, вовсе не является воспеванием вина и его традиционного литературного ассоциативного ряда: дружбы, веселья, свободы и праздности. Это, однако, не говорит о том, что вино само по себе не обладает значимостью в этом произведении. Вино, выступающее как метоним всех житейских радостей, символизирует для автора ложный путь, отвергаемый им способ избавления от тоски. Альтернатива вину есть мужественное принятие человеком своего предназначения,

готовность платить скорбями за возможность вершить историю. Таким образом, произведение выстраивает дихотомический ряд: ложное против истинного, поверхностные радости против волевых усилий человека, вино против силы духа. И хотя трактовка вина как , антигерояѳ не прижилась в китайской литературе, но противопоставление внешнего и внутреннего органично вписывает оду Цао Цао в онтологический и аксиологический контекст китайской культуры.

Список литературы

1. Аникина Г. П., Воробьева И. Ю. Китайская классическая литература. М.: Наука, 1983.
2. Кравцова Е. М. Цао Цао // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. М.: Восточная литература, 2008. Т. 2. Литература. Язык и письменность.
3. Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов / Российская академия наук, Ин-т востоковедения. М.: Наталис, 2012. 416 с.
4. Лю Юэцинъ, Ван Ли. Цяньянь // Сан Цао (Лю Юэцинъ, Ван Ли. Предисловие // Три Цао). Пекин: Китайский книжный дом, 2012. 206 с.
5. Су Ши. Красная скала. Ода первая // Классическая проза Китая. Минск: Харвест, 2002.
6. Хэ Минжуй. Цао Цао вэнчжан , жуѳ, , фаѳ сысян чэнси цзи бифа тэчжен таньвэй (Хэ Минжуй. Влияние конфуцианства и легизма в прозаических произведениях Цао Цао и особенности его архитектоники) // Журнал Института китайской филологии Хэнаньского университета. 2010. № 13. С. 45-56.
7. Цао Цао. Ши // Сан Цао (Цао Цао. Поэзия // Три Цао). Пекин: Китайский книжный дом, 2010. 206 с.
8. Чэнь Линчжао. Лю Се юй Цао Цао шисюэ гуаньянь чжи бицзяо (Чэнь Линчжао. Сравнение поэтических концепций Цао Цао и Лю Се) // Журнал Хунаньского политехнического института. 2010. № 5 (1). С. 124-127.

IMAGE OF WINE IN ARTWORK OF CAO CAO

Sun Tsze

Hainan State University, People's Republic of China

bayard2010@qq.com

The article considers the image of wine in the artwork of the Chinese poet and statesman Cao Cao: being the founder of the literary genre "songs to wine", in his program works the poet, despite the apparent praise of wine as a means of getting rid of worries, the metonymic symbol of life pleasures, in fact rejects it. Cao Cao offers the courageous acceptance of man's destiny, willingness to pay with sorrow for the opportunity to make history as an alternative to escapism, which is symbolized by wine.

Key words and phrases: wine; wine culture; the Chinese poetry; artwork of Cao Cao; dichotomic series; thesis and antithesis.

УДК 793.31(=512.157)

Искусствоведение

В статье рассматривается вопрос о композиционной структуре якутского кругового танца оһуохай на основе изданных трудов, архивных материалов и наблюдений автора во время фольклорных экспедиций. С опорой на теорию функциональности в музыкальной форме Б. Асафьева и В. Бобровского доказывается, что полный вариант композиции танца состоит из двух контрастных по стилю пения, мелодии, функции и темпу частей. В танце также могут встречаться вариантно-вариационные, одночастные и сюитообразные структуры на основе функциональных и мелодических особенностей второй части.

Ключевые слова и фразы: якутский круговой танец; оһуохай; композиционная структура; функциональность; функциональная переменность; типы композиционных структур; формообразующие принципы.

Татарина Александра Дмитриевна

Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки

sasha.sakha@mail.ru

**КОМПОЗИЦИЯ ЯКУТСКОГО КРУГОВОГО ТАНЦА ОӢУОХАЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[©]**

В изучении якутского кругового танца одним из важных вопросов является композиционное строение. Впервые о структуре танца писал композитор Г. А. Григорян. В статье 1957 года он отмечает, что танец в основном состоит из двух частей: умеренной по темпу , хаамы юнкюѳ (танец шагом) и оживленной, переходящий в прыжки , кѳтю юнкюѳ (танец прыжками). Эти две части, по наблюдению автора, поются в стиле *дэгэрэн*. Григорян также пишет, что встречаются и трехчастные *оһуохай* , с медленной вступительной частью, исполняющейся в манере тойук, – разновидности Дьэирэтии ырыаѳ [5, с. 340]. По его наблюдениям, в якутском хороводе нередко присутствует приглашение на танец, обычно *оһуохай* начинают два-три человека. Затем к ним присоединяются другие, , и цепочка нарастается, замыкается в кругѳ [Там же, с. 339].

Композиционная структура якутского кругового танца отражается также в нотных расшифровках первого профессионального якутского композитора М. Н. Жиркова. Эти нотировки были сделаны в 1943 году